

Н. Г. Бабенко, М. А. Стешенко

**ПОЭТИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ,
МОТИВИРОВАННЫЕ ОНИМАМИ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

На материале творчества поэтов XX в. (В. Хлебникова, В. Маяковского и др.) рассматриваются вопросы интерпретации отонимических окказионализмов посредством привлечения фоновых знаний и обращения к культурно-историческому контексту. Наряду с этим в работе ставится проблема лексикографического представления данных лексических единиц.

This article focuses on the interpretation of occasionalisms motivated by proper names through references to background knowledge, and cultural and historical context as presented in the poetical works of 20th century poets (V. Khlebnikov, V. Mayakovsky, etc.). The author addresses the problem of the lexicographical description of these lexical units.

Ключевые слова: поэтический текст, окказионализмы, онимы, историко-культурный контекст, лексикография.

Key words: poetic text, occasionalisms, proper names, cultural and historical context, lexicography.

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются лексические окказионализмы, мотивированные именами собственными, — антропонимами и топонимами, истолкование которых невозможно без обращения к культурно-историческому контексту, к разнообразным затекстовым данным, поскольку именно анализ фоновой информации позволяет выявить доминирующие признаки референта имени, обуславливающие семантику новообразования.

На сегодня сложились различные точки зрения на проблематику окказионального слова, однако большинство ученых (Е. А. Земская, А. Г. Лыков, Н. Г. Бабенко, В. Л. Лопатин, Н. А. Николина, Аксенова, Ю. Б. Мартыненко, М. И. Фомина, И. С. Улуханов и др.) основными признаками/свойствами окказионализмов считают следующие:

- 1) невоспроизводимость, «творимость», индивидуально-авторскую принадлежность;
- 2) мотивированную ненормативность, незуальность;
- 3) контекстуальную зависимость;
- 4) функциональную одноразовость;
- 5) экспрессивность.

Говоря о поэтическом окказиональном слове в целом и об «отонимическом» авторском новообразовании в частности, важно подчеркнуть, что «самовитое» слово реализует потенциальные возможности языка, проявляет коммуникативное намерение автора, создает основание для реализации продуктивного полилога в дискурсивном пространстве «автор – текст – читатель».

Приведем ряд контекстов, методом сплошной выборки извлеченных из уникального в своем роде словаря «Собственное имя в русской поэзии XX века» [6]. Словарь, фиксирующий личные имена и их производные в произведениях десяти русских поэтов (А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, О. Мандельштама, Б. Пастернака, В. Маяковского и др.), включает 3000 статей. Организация этого лексикографического издания создает условия для максимально быстрого обнаружения того или иного поэтического контекста и прилагаемых к нему (а) справочной информации (приведенной в зоне значения), (б) шифра, который указывает на выходные данные фрагмента.

Представляется, что сведения, отображенные в словаре, могут быть существенно дополнены, обогащены результатами функционально-семантического анализа отонимичных поэтических новообразований в контексте их употребления и на фоне данных историко-культурного фона. Словарь насчитывает свыше сорока окказиональных новообразований, мотивированных антропонимами. Проанализируем некоторые из них.

Стоит отметить, что нами рассматриваются окказиональные антропонимы, в основе которых лежат «индивидуализирующие имена» [7, с. 161], или, по А. Гардинеру, — «воплощенные (телесные) имена собственные» [8, с. 73], прецедентные имена, возбуждающие в сознании читателя внятное представление о конкретном объекте и его характерных чертах или признаках. Именно такие отантропонимические окказионализмы становятся составляющими вертикального контекста, обеспечивая широкое пространство для его дешифровки.

Приведенные отантропонимические окказионализмы, отталкивающиеся от словообразовательной нормы, но вступающие в определенные отношения с ней, с точки зрения частеречной принадлежности распадаются на две группы: глаголы и имена прилагательные.

Значение процессуального признака, свойственное всем глаголам, «прошивает» первую группу контекстов и, безусловно, объединяет их семьей активного действия. Столкновение лексической семантики и грамматической формы, лежащее в основе окказиональности, усиливает действие, сообщая ему интенсивность, и параллельно этому актуализируются признаки мотивирующей основы, находящиеся в области сильного импликационного значения имени собственного, от которого образован окказионализм. В процессе интерпретации текста начинает работать внутрисловная ассоциативная связь, вступающая во взаимодействие с междусловной, что вызывает включение дополнительных экстенциональных сем. Так, окказиональный отантропонимический глагол «аврориться» (*Аврориться* — *В слезах расплавился злеченый небосклон, Выздоровления не вычерпано лоно. Среди небывалых роц сияет Геликон, И нежной розой зорь аврорится икона!* [6, с. 247]) концентрирует высокое воодушевление, упоенность и восторженность. Аврора — богиня утренней зари, образ, метафорически синонимичный состоянию души лирического героя, находящегося в состоянии соприкосновения с вечным и бессмертным, переживающего «выздоровление» души, открытой откровению. Эта потенциальная метафора «утра новой жизни» заключена в окказиональное новообразование, которое, в свою очередь, помещено в сильную позицию текста, выражая смысловую доминанту всего стихотворения.

Глаголом «иудит» (*Иудить* — *Ничего не будет. / Ночь придет, / перекусит / и съест. Видите — / небо опять иудит / пригоршню обрызганных предательством звезд?* [6, с. 397]) поэт заменяет вроде бы близкий по значению узуальный глагол «предает», актуализируя при этом ассоциативный контекст, ужесточающий значение и гиперболизирующий «масштаб» вероломства, отступничества в мире, в котором «Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8: 20).

Интертекстуальные взаимодействия, спровоцированные этим и последующими отантропонимическими новообразованиями, сообщают реципиенту объемность восприятия и обеспечивают погружение в глубокий социокультурный контекст.

Образование отантропонимического причастия «омамаен» (*Омамаен* — *Пусть сосны бурей омамаены, И тучи движутся Батья, Идут слова, молчаний Каины, — И эти падают святые* [6, с. 99]) обусловлено желанием достичь максимального семантического уплотнения внутритекстового пространства. Автор вместо использования узуальных слов «вздыблены», «всклоочены», «взъерошены» обращается к созданию собственного слова, вызывающего в сознании читателя образ *Мамая*. Коннотации, связанные с этим прецедентным именем, порождают семемы агрессии, набега и захвата, чем (в союзе с антропонимом *Батый*) способствуют возникновению эффекта взаимопроникновения, стихийного переплетения в танце «мира природного» и «мира человеческого».

Окказионализм «пугачёвый» (*Пугачёвый* — [прил. к Пугачёв]: *Речи будут его кумачовые. Живи. Будут руки его пугачевые В крови! (о народе)* [6, с. 314]) в силу фонетической и грамматической специфики, наличия ассоциативного потенциала конструирует дополнительные смысловые пласты в сознании реципиента. Суффикс *-ов* обладает семантикой принадлежности предмета лицу или животному или происхождения предмета из чего-либо. Ввиду того что мотивирующей основой новообразования является имя собственное, основное значение которого заключено в его связи с обозначаемым лицом и не связано непосредственно с понятием, оба описанных аффиксальных значения могут быть актуальны при интерпретации художественного образа. Руки «пугачёвые» — это и руки, принадлежащие Пугачёву, личность которого связана с мятежом, страшным («пугач — пугать») русским бунтом, «бесмысленным и беспощадным», и с выделенной в рифме «*живи — в крови*» кровью. Рифма «*кумачовые — пугачёвые*» дублирует и закрепляет ассоциацию в сознании читателя с красным цветом крови, таким образом, и на уровне мелодики стихотворения мы наблюдаем актуализацию имплицитных сем.

Усадьба ночью, чингисхань!
 Шумите, синие березы.
 Заря ночная, заратустрь!
 А небо синее, моцарть!
 И, сумрак облака, будь Гойя!
 Ты ночью, облако, роопсь! [7, с. 76]

В этом отрывке из текста В. Хлебникова индивидуально-авторские новообразования, мотивированные антропонимами, составляют смысловой ряд, определяющий образную структуру стихотворения. Общая модальная тональность данного поэтического текста — метафорически условный призыв-воззвание, обращенный к явлениям природы, — заре, небу, облаку. Императивы в данном случае выражают требование не конкретного действия, а обретения определенных личностных качеств. Адекватное в доступной степени понимание «самовитых» слов Хлебникова, которыми поэт пытался поднять «глухонемые пласты языка», обеспечивается прежде всего ключами к шифру, содержащимися в контексте произведения. Восприятие стихотворения определяется знанием синтаксиса текста в формальном и коммуникативном аспектах. Однозначному формальному истолкованию синтаксических структур с окказиональными императивами служит строка «*Шумите, синие березы*», служащая образцом узуального наполнения структурного типа простого побудительного предложения, осложненного обращением. Ключом к дешифровке текста в коммуникативном аспекте является строка-предложение «*И, сумрак облака, будь Гойя!*», предикативный минимум которого представляет собой реализацию узуальной синтаксической схемы *Сор imp N 1*, где *Сор imp* — служебный глагол «*быть*» в форме 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения, *N1* — имя собственное в именительном обращении, называющее объект уподобления.

Воспользовавшись строкой-ключом «*И, сумрак облака, будь Гойя!*», которая в модальном аспекте синонимична окказиональным императивам *моцарть, заратустрь, роопс*, можно в порядке речевого эксперимента трансформировать строки с побудительными новообразованиями следующим образом: «*Заря ночная, будь Заратустра!*», «*А небо синее, будь Моцарт!*», «*Ты ночью, облако, будь Роопс*». Инвариантное значение всех полученных конструкций видится следующим: будь подобен названному лицу в наиболее ценных, ведущих проявлениях его духа, гения. Культурно-исторический контекст подсказывает нам, о каких именно качествах может идти речь. Недостающие сведения можно почерпнуть из специальной литературы, например энциклопедических изданий. В частности, энциклопедический словарь сообщает, что Роопс — бельгийский художник — реалист и сатирик. Энциклопедия «Мифы народов мира» [4] представляет достаточно объемную информацию о Заратустре — пророке и страстном проповеднике борьбы за добро и свободу духа, непреклонном в своих убеждениях и пострадавшего за них (ср. у В. Маяковского: «*Слушайте! Проповедует, мечась и стена, Сегодняшнего дня крикогубый Заратустра!*» [3, с. 69]). Глубокое знание о референте имени позволяет читателю адекватного интерпретировать поэтические окказионализмы, мотивированные антропонимами [4].

Пространство русской поэзии пронизано интертекстуальными токами, связующими классику и современность не только посредством мотивных и образных окликов/откликов, цитатных рефлексов, версификационных стилизаций/переключек, но и установлением **лингво-поэтического** «родства»: обращением к классическим образцам словотворчества как матрице создания так называемых интертекстуальных новообразований. «Эти редкие новообразования... воспроизводят словообразовательную структуру слова, которая служит приметой какого-либо индивидуального стиля или известного текста. <...> Интертекстуальные новообразования... углубляют временную перспективу текста и обуславливают его смысловую многомерность. Они, наряду с другими формами интертекстуальности, участвует в диалоге разных текстов и культур» [5, с. 132–133].

Рыбина, голоси!
Дерево, улетай!
Ижина, **небеси!**
Миклуха, **маклай!**
Спящерица, проснись!
Тьматьматьма, **таракань!**
Яблоко, падай ввысь!
Усадьба летом, **рязань!**
Хлебников, **каравай**
слово свое несъедобное!
Автобус, **трамвай**
Все самое красное, сдобное! [2].

В приведенном фрагменте стихотворения современного поэта Александра Левина «Наклонительное повеление» интертекстуальными являются не только новообразования *небеси, маклай, таракань, рязань, каравай, трамвай*, на первый взгляд воспринимаемые как императивы, аналогичные хлебниковским, но и сама «призывная» структура стихотворения. Однако если Хлебников создает окказиональные императивы от прецедентных личных имен и на базе их энциклопедической семантики, то у Левина обыгрывается лишь внешнее подобие форм существительных *небеси, Рязань, каравай, трамвай*, частей антропонима *Миклухо-Маклай* и топонима *Тьмутаракань* императивным формам глагола, и это подобие выступает одним из инструментов абсурдизации текстовой картины мира.

Список литературы

1. Барковская Н. Стихотворение Велимира Хлебникова «Усадьба ночью, чингисхань!..» в историко-литературной перспективе // Интерпретация и авангард : сб. науч. тр. Новосибирск, 2008. С. 42–50.
2. Левин А., Строчков В. Перекличка // Вавилон: Современная русская литература : [сайт]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/levinstrochkov1.html> (дата обращения: 02.02.2014).
3. Маяковский В. В. Собр. соч. : в 6 т. М., 1973. Т. 1.
4. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 2006.
5. Николина Н. А. Словотворчество в поэтической речи на рубеже XX–XXI веков // Динамика формы художественного текста: стих, проза, драма в конце XX – начале XXI века. Галле, 2009. С. 119–133.
6. Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века. М., 2005.
7. Хлебников В. Творения. М., 1987.
8. Большой российский энциклопедический словарь. М., 2007.
9. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград, 1997.

Об авторах

Наталья Григорьевна Бабенко – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: banagr@rambler.ru

Мария Александровна Стешенко – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: mariamaria_st@mail.ru

About the authors

Prof. Natalia Babenko, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: banagr@rambler.ru

Maria Steshenko, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: mariamaria_st@mail.ru